

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ТАЙНЫЙ ЛИКВИДАТОР

ОТТЕПЕЛЬ
ОБНАЖИЛА РАНЫ
ПРОШЛОГО

Время острых ножей. Послевоенный детектив-амнистия

Валерий Шарапов

Тайный ликвидатор

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рос)6-44

Шарапов В. Г.

Тайный ликвидатор / В. Г. Шарапов — «Эксмо», 2026 — (Время острых ножей. Послевоенный детектив-амнистия)

ISBN 978-5-04-247399-9

1954 год. Небольшой провинциальный городок Качинск наводнен зэками, отпущенными по амнистии. В один из дней на окраине города в результате милицейской операции погибает матерый уголовник по кличке Буба. Вырвавшись из засады, он натывается на нож кого-то неизвестного. Капитан уголовного розыска Андрей Некрасов предполагает, что с рецидивистом расправился таинственный мститель. Вскоре один за другим погибают еще три человека. Причем последний найден с явными следами пыток. Кто же таким образом сводит счеты с людьми, внешне не связанными друг с другом? Некрасов наводит справки о жертвах и буквально холодеет от ужаса открывшейся правды... От городских улиц — к архивам, от квартир жертв — к лесным засадам. Трудовые будни советских сыщиков усложнила недавно объявленная амнистия, по которой из заключения на свободу вышли тысячи человек, умеющих только грабить и убивать... Герои книги — усталые и рассудительные профессионалы-сыщики. Фронтовики, несущие груз личной трагедии и служебного долга. Такими мы их знаем по мемуарам и фильмам, популярным среди поклонников детективного жанра.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рос)6-44

ISBN 978-5-04-247399-9

© Шарапов В. Г., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валерий Шарапов

Тайный ликвидатор

© Шарапов В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава первая

Улица Красных Партизан петляла как пьяная. Неказистые строения погружались в овраги, всплывали на открытых участках. Грязь на этой улице имела свойство никогда не пересыхать, даже в сухую погоду она оставалась жирной и липкой. Дощатые тротуары разъезжались, вставали дыбом, и приходилось обходить опасные участки по щиколотку в жиже. Случайному прохожему на этой окраине делать было нечего. Создавалось ощущение, что здесь они и прячутся – красные партизаны.

Жаркое лето 54-го года было в разгаре. Миновал июнь, начиналась самая убийственная пора. Солнце жарило, как раскаленная духовка. На извилистой улочке, заставленной частными домами, не было ни души. Граждане скрывались за заборами и бревенчатыми стенами.

– Крутится, вертится шар голубой! Крутится, вертится над головой! – внезапно прорезало округу удалое пение. Пели задорно, но немного фальшиво. Из переулка вывалился разбитной молодой парень, изрядно набравшийся. Какой-то нескладный, в грубых штанах, мятая рубашка расстегнута до пупа, русые волосы торчат в разные стороны. Физиономия – довольная, дальше некуда. На плече у парня висела гармошка, за ухом торчала папироса.

– Крутится, вертится, хочет упасть! – продолжал он, но вдруг оступился, и нога мгновенно провалилась в дыру посреди тротуара. Парень выругался, но тут же засмеялся: бывает, мол, и, пошатываясь, пошел дальше...

Старушка за оградой возилась с какими-то банками, и он, проходя мимо, помахал ей рукой:

– Привет, бабуля! Немцы в деревне есть?

Старушка удивленно посмотрела на него и покрутила пальцем у виска. Парень заржал и прошел мимо ограды, громко бормоча:

– Духи... Где же эта дура? Хрен найдешь, а потом хрен догонишь... Где эта улица, где этот дом?.. – Он внезапно осекся, всмотрелся и схватился руками за хлипкий штакетник. – О, вот эта улица, вот этот дом! Антонина, мать твою, выходи!

Никто не отозвался, но дрогнула занавеска на маленьком грязном окне.

– Ты чего там прячешься? Выходи, дура! – крикнул парень. – Сколько можно тебя искать? Я пришел! Кавалер барышню хочет украсть! – И залился рваным, неприятным смехом.

Увы, запущенный участок помалкивал. Тогда он стал трясти штакетник, продолжая звать свою пассию.

Вдруг приоткрылась входная дверь, и на крыльцо вышел угрюмый мужик: козырек кепки надвинут на глаза, отливала свинцом щетина. Он смотрел мрачно, исподлобья.

– Вот так поворот! – воскликнул парень. – А ты что за хрен с горы? Тонька, ты кого в дом привела?! Мужик, ты кто?

– Ты чего орешь, недоделанный? – процедил сквозь зубы мужик. – Какого хрена надо? Нет здесь никакой Тоньки. Ошибся ты.

– Это я-то ошибся? – возмущенно заголосил молодой человек. – Я что, не знаю, где Тонька шкерится?! Мы чё-то поссорились, вот она и прячется от меня... Это же дом 44. – Он смотрел на табличку, но глаза разбегались, не могли сконцентрироваться. – Или нет? Мужик, ты в каком доме живешь?

– Вали отсюда, – процедил субъект в кепке. – Нет здесь никакой Тоньки и не было никогда. Вали, кому сказано, гармонист хренов!

– Эй, а ты чего такой грубый? – возмутился парень. – Я с тобой нормально разговариваю или чё? А ты докажи, что у тебя нет Тоньки!

– Как же ты задолбал, – проворчал мужик, спускаясь с крыльца, и направился к калитке, поглядывая по сторонам.

Снова дрогнула занавеска – в окне мелькнул чей-то хмурый взгляд, и в приоткрытой двери возник еще один тип, держа руку под пиджаком и сжимая что-то на поясе. Из сарая выглянул третий – щербатый, заскорузлый, в тельняшке под мятым пиджаком – и воровато покосился по сторонам, облизывая губы.

Паренек с гармошкой не унимался, нес какую-то околесицу, словно специально нарывался на неприятности.

– Тебе по десять раз повторять? – выдавил небритый. – Чеши своей дорогой. Чего бузишь? Или ты дурачок деревенский?

– Это я-то деревенский? – возмутился гармонист. – Ты чего хамишь, дядя? Ну ладно, ошибся, а хамить-то чего?

Небритый скрипнул зубами. Близко посаженные глазки шныряли по сторонам. Не хотелось ему лезть в драку, да и вообще шуметь не хотелось. Второй субъект, продолжая стоять на крыльце, смотрел пристально, с недоверием, рука оставалась за отворотом пиджака.

Гармонист отвлек внимание присутствующих, поэтому никто не увидел, как на дальней стороне участка отогнулась штакетина в кособокой ограде и через нее пролез человек. За ним – еще двое. Они рассредоточились: один припал за ржавую бочку, двое поползли дальше. Знак рукой – и двое перебежали, а один повалился за груды старых досок.

Мужик в тельняшке что-то почувствовал, мотнул головой, глаза расширились от ужаса. Он сунул руку под пиджак и взревел дурным голосом:

– Буба! Атаа! Менты!

Загремели выстрелы. Привстал из-за досок ладно сбитый русоволосый мужчина и стал бегло стрелять из ТТ. Тип в тельняшке успел выхватить ствол, но на этом все закончилось: он картинно взмахнул руками – пистолет упал по дуге в смородину, – зашатался и повалился носом в утыканные гвоздями доски.

Тут с крыльца скатился субъект с пристальными глазами и заметался, не зная, куда бежать.

«Гармонист» при первом же вопле сбросил с плеча гармошку и швырнул ее двумя руками, словно мяч, в лицо противнику. Тот оказался сообразительным, отклонился, ловко, словно цирковой гимнаст, отпрыгнул к кустам заброшенной малины и выхватил пистолет из-за пояса. У этой публики волюны всегда при себе.

«Гармонист» замешкался, тоже полез за оружием, но извлечь табельный из мешковатых штанов оказалось непросто. Тогда он оттолкнулся от ограды, скачками понесся вбок и нырнул под столб электропередачи, подножие которого заполонила кленовая поросль.

Прогремели выстрелы, и две пули пронеслись прямо над головой «гармониста». Он приподнялся, тоже дважды выстрелил, перебежал обратно к столбу и распластался под оградой. Кусты на участке вдруг затряслись – это противник энергично отползал, используя складки местности.

Парень чертыхнулся, перевесился через ограду и начал бегло стрелять по трясущимся кустам. Ахнул, когда штакетину рядом с ним переломила очередная пуля, и повалился в нестриженую траву...

На участке тем временем велись настоящие боевые действия. Капитан уголовного розыска Андрей Некрасов, подстреливший щербатого, перебежал к сараю и скорчился за углом. Постреливал из-за бочки старший лейтенант Сиротин – видный, основательный. На него всегда оборачивались женщины, но сегодня на него обращал внимание лишь ошалевший тип, прыгающий вокруг крыльца.

Завозился за досками старший лейтенант Луговец, довольно рыхлый, но поворотливый, если возникала угроза.

Бандит у крыльца, юркий, как акробат, орал дурным голосом и палил из нагана, второй рукой давя на курок. Когда барабан опустел, он выбросил ствол и кинулся, пригнувшись, к калитке, но споткнулся о брошенную гармошку. А когда вскочил, паренек за забором, Пантелей Скляр, открыл по нему огонь. Это же надо суметь промазать с такого расстояния! Увы, Пантелей сумел...

Бандит тут же шарахнулся в сторону, оборвал свисающий с крыши ворох хмеля, запутался в нем, а потом резко сменил направление и, бросившись обратно, взлетел на крыльцо. В него стреляли со всех сторон, но он, отмахиваясь от пуль, быстро юркнул в открытую дверь – в сенях раздался оглушительный грохот падающих ведер и тазов.

– Окружить дом! – прокричал Некрасов. – Никого не выпускать! Да не лезьте под пули, мужики!

Где-то сзади распахнулось окно, зазвенело вываливающееся стекло. Сиротин, который находился неподалеку, пригнув голову, побежал к дому, прижался к стене и стал стрелять за угол – из окна, похоже, кто-то пытался выбраться, но попытка провалилась – старлей теперь контролировал этот путь отхода.

На участок наконец вбежал Пантелей и сразу припустил к крыльцу. Андрей бежал с обратной стороны, и у колодца они встретились. Пантелей запыхался, словно пробежал полгорода:

– Товарищ капитан! У этого гада есть второй пистолет, я видел. За поясом... А в доме еще один...

– Здесь оставайся, – бросил Некрасов, – на гармошке, если хочешь, поиграй...

Он ввалился в сени, забывая на бегу обойму. Чертовы тазики! Какого хрена их тут разбросали?

В доме тем временем перекликались двое, и в голосах их звучали истерические нотки.

Но бандиты продолжали отстреливаться – недостатка в оружии и боеприпасах у этой шантрапы не было. Пули дырявили фанерные стены, звенело разбитое стекло...

Андрей повалился на пол, закрыл голову руками. И подумал: «Прямо как на фронте, враги бьют в упор».

Где-то за стенами надрывал глотку Пантелей, хотелось надеяться, что у парня хватит ума не лезть в это пекло.

– Суки! Назад, менты поганые! – орала из хаты. – Всех замочим!

Угроза имела под собой основания. Терять этим отмороженным было нечего.

«А что у них насчет гранат? – мелькнула у Андрея тревожная мысль. – Пока не сообразили, но могут и сообразить, дело-то нехитрое».

Он подобрался, оттолкнулся пяткой от порожка и перекатился в горницу. Здесь недавно пировали – пахло селедкой, разлитой сивухой, но сейчас было пусто. Бандиты засели дальше – в одной из спаленок. Из проема кто-то выстрелил, сопроводив действие порцией отборного мата.

Андрей откатился за удачно подвернувшийся простенок, извернувшись, вынул из кармана припасенную РГД – какой же фронтовик пойдет на дело без гранаты? Боеприпас слабенький, наступательный, но в маленькой комнате должно хватить. Лишь бы не промахнуться.

Он высунул руку с пистолетом и выстрелил. В ответ прозвучала целая какофония – били двое. Но они уже загнаны, куда им деться, ведь выход через окно сторожит Сиротин...

– Эй, братва, еще раз хорошо подумали! – крикнул Некрасов. – Сдаваться будем?

– Да пошел ты! – хрипло выкрикнули из-за порога. И попутно конкретизировали – куда и с кем. Сдаваться им не было никакого резона – таких дел натворили, что и «вышки» мало. Уголовному розыску эта публика также живой не требовалась. Времена «языков» давно миновали – корми их, содержи, а смысл какой? Освободить надо от этой нечисти родную землю...

Капитан быстро высунулся, оценил направление и расстояние, тут же спрятался, выдернул чеку и снова высунулся. Граната пролетела над полом, миновала порог и взорвалась где следует. Домик трянуло, что-то затрещало, повалилось. Истошный вопль совпал с подрывом. Очень хотелось надеяться, что пожарных вызывать не придется...

Доносились хрипы, тряслась и ломалась оконная рама. С улицы прозвучало два выстрела – и все стихло. Но пистолет пока не хотелось убирать в кобуру.

Андрей выбрался из укрытия, осторожно пересек горницу. За проемом все раскурочено, перевернуто. Коврик на стене с изображением оленьей идиллии порвало в клочья. От кровати оторвало дужку, в стенах зияли дыры от осколков. Воздух в помещении наполнила пороховая гарь. Возгорания не произошло, и слава богу. На полу валялся истерзанный осколками труп – граната взорвалась у него под ногами. Лицо перекошено, в глазах невыразимый ужас – видимо, понял за миг до смерти, что к чему. Это гражданин Киселев Олег Севастьянович, погнало Кисель, две ходки – за разбой и нанесение тяжких увечий, повлекших непоправимый вред здоровью...

Окно, вернее, то, что от него осталось, было распахнуто настежь. Андрей подошел к нему, огибая обломки тумбы, осторожно высунулся. Соседская ограда практически рядом, стеной стояли заросли жимолости и черноплодной рябины – неплохая дорожка, чтобы безнаказанно уйти. Но не ушел – «здоровье подкачал».

Очередной труп валялся под окном – видимо, бандит пытался вылезти через него. Серая холщовая рубашка разорвана в нескольких местах. Сплюснутая голова, вылезшие из орбит глаза... Гражданин Асташкин, по кличке Пельмень (что-то действительно в образе имелось), с ног до головы был залит кровью.

Оторвался от угла и подошел Вадим Сиротин. Он был спокоен, только немного удивлен. – Это ты его? – спросил Андрей.

– Грешен, – согласился Сиротин. – Помог человеку, он все равно не жилец. Представляешь, какой живучий – его буквально изрешетило осколками, однако смог добраться до окна, пытался вылезти, да еще и в меня стрелял. Это ведь Пельмень, если не ошибаюсь? Тот, что участвовал в изнасиловании группы школьниц за гаражами в Нахаловке?

– Он самый, – кивнул Некрасов. – Буба знает, как подбирать кадры.

– Эх, такие люди уходят, – манерно вздохнул Сиротин. – Пустеет без них земля... Вот только отчего с их уходом работы меньше не становится?..

Отвечать на риторические вопросы как-то не принято. К тому же с обратной стороны дома внезапно снова разразилась стрельба!

– Буба! – спохватился Андрей. – Как вовремя черта помянули!

Он бросился из дома, выбежал на крыльцо.

Луговец и Пантелей вели стрельбу по соседнему участку. Валентин скрючился за поленницей с дровами, служащей символической границей, высовывался, нажимал на спуск. Пантелей рванул с высокого старта, плюхнулся рядом с товарищем. Тот отвлекся, стал орать:

– Дубина ты стоеросовая, мог бы и не добежать!

Главарь Буба, судя по всему, далеко уйти не мог, так как территорию оцепили еще полчаса назад.

– Буба, сдавайся, окружили тебя! – крикнул Андрей, скатываясь с крыльца.

Пуля ударила совсем рядом, разбила последнее уцелевшее стекло на этой стороне.

– Ложись, товарищ капитан! – орал во все горло Пантелей.

Андрей бежал в обход, вдоль ограды. Ему навстречу шел Сиротин, который пролез через сухой кустарник. «Можно и от своих пулю в лоб получить, – мелькнула неприятная мысль. – Милиционеры, сжимавшие кольцо, не особо будут разбираться, кто там у них за главной мишенью...»

Отчаяние гнало Бубу – в миру Георгия Бубенцова, рецидивиста с завидным стажем. Что ему терять? Только убийств у братвы за душой не менее десятка! Он ползал по буеракам, отстреливался на два фронта, заставил залечь рискнувших подняться в полный рост милиционеров. Патроны и не думали кончаться – банда собрала приличный арсенал.

Андрей попытался перебраться на соседский участок, но пуля пролетела так близко, что он поневоле испугался.

В кустах мелькали головы милиционеров, они палили направо.

– Мужики, осторожнее! – крикнул Некрасов. – Не лезьте под пули, он никуда не денется!

– И не шмаляйте как психи! – выкрикнул из-за поленницы Луговец. – Нас же постреляете!

Тем временем Буба продолжал ползти между грядками. Иногда в прорези прицела мелькало его перекошенное лицо, но в следующий миг пропадало. Просто виртуоз какой-то! Он полз по канаве между грядками – и с обеих сторон его потеряли из вида. Возник он, вернее, возникла его кепка, которую он держал на лезвии финского ножа. Кепку отстрелили, но нож остался в руке бандита. Он вновь возник, уже в паре метров левее. Палил из ТТ, что-то свирепо орал, затем перекатился в полуразрушенную продолговатую сараюшку, дверь в которую отсутствовала.

– Он заперт! – закричал с дальнего конца огорода Сиротин. – Мужики, окружаем его!

Люди бросились вперед, пока Буба не оборудовал себе огневую позицию. Из проема вдруг вылетела граната – на десерт оставил? Андрей заметил ее первым и повалился с воплем:

– Ложись!!!

Это была Ф-1, боеприпас оборонительного действия, мощный, с разлетом осколков на пятьдесят метров! Вроде успели все попадать, но ударила волна, уши заложило.

Сиротин столкнулся с милиционером, обходящим сарай, – и уже было непонятно, кто на кого повалился. На другом конце постройки скорчился еще один сотрудник постовой службы. Взрыв на несколько секунд дезориентировал, лишил способности соображать. Луговца завалило дровами. Пантелей Скляров лежал под бочкой, как-то молитвенно смотрел в небо и, похоже, «взял тайм-аут».

Никто не ожидал, что Буба пойдет на прорыв! В дальней стене сарая, похоже, имелась дыра, ему осталось лишь оторвать пару досок, чтобы выбраться наружу. Бурьян вплотную подступал к постройке. Он выполз как змея, преодолел пару метров в согнутом положении, держа нож в зубах. На этой стороне находился лишь один милиционер – двадцатилетний парнишка, лишь недавно пришедший в органы. Он крепко сжимал в руке табельный пистолет и все же замешкался, когда из бурьяна на него набросилась оскаленная небритая рожа! Пистолет не выстрелил, да и Буба в этот момент предпочел работать без шума. Он остервенело бил паренька ножом в живот – нанес не меньше пяти ударов и оттолкнул от себя. Младший сержант захлебывался, хватал воздух ртом. Кровь лилась потоком. Ноги подломились, и он, повалившись боком, пытался зажать рану...

Буба пустился наутек, перевалился через поленницу досок и стал буквально вкручиваться в разросшуюся малину...

Слишком поздно заметили, что матерый волк вырвался за флажки. Первым беглеца обнаружил Сиротин, ахнул, стал стрелять, но кончились патроны в обойме. Он выругался, бросился догонять преступника, но запутался в колючей проволоке и стал материться, отрывая от одежды стальные шипы.

Беглеца и след простыл – не успели оглянуться. Целая толпа бросилась вдогонку – с ревом, с матерками. Прочесывали все соседние участки, заходили в дома. Мирные граждане, и без того напуганные пальбой, шарахались от чужаков. Что они могли видеть? Ничего, сидели, запершись...

Улица Красных Партизан – как черная дыра, тут можно спрятать хоть роту диверсантов, а уж уйти, используя местную глушь и складки местности, – проще простого...

Поиски ни к чему не привели. Один из местных жителей видел, как незнакомый мужик, забрызганный кровью и вполне соответствующий приметам, нырнул в овраг за пределами жилой зоны. Это было минут пятнадцать назад, и можно представить, где теперь Буба. Вернее, совершенно невозможно представить!

По радиции прошел сигнал всем постам: приметы, предостережение о том, что преступник вооружен и очень опасен, так что при задержании можно не церемониться.

Разозленные сотрудники возвращались на участок. Предстояло выяснить, кто жил в этом доме, кто те «добрые» люди, предоставившие приют головорезам?

Младшего сержанта Полежаева перебинтовали прямо на месте – нашлась аптечка. Парень подавал признаки жизни, но жалко было на него смотреть – глаза мутнели, закатывались, он судорожно вздрагивал, харкал кровью. Пытался что-то сказать, но только давился словами. Подавленные товарищи волокли его к воротам на куске брезента. Наконец подъехала машина из местной больницы. Санитары разорались: кто разрешал трогать тело, тем более волочь через весь огород? Окончательно решили загубить человека своими непрофессиональными действиями?! Сотрудники огрызались: «Это ты, мол, тело, а это наш товарищ, совсем еще молодой, месяца не прослужил. Жена у него – еще моложе, а уже на сносях, восьмой месяц доживает...»

Раненого переложили на носилки, погрузили в санитарную машину...

Некрасов в бессилии скрипел зубами. Вот так всегда – какая-нибудь ложка дегтя испортит бочку меда!

– Не расстраивайся, командир, – пробормотал Вадим Сиротин, пытаясь ногой перевернуть тело мертвого Шакала (урожденного Синявина Николая Ивановича), «удачно слившегося» с утыканной гвоздями доской. – Банда обезврежена, больше никаких бед не натворит. А Буба найдется, живой или мертвый. Обязательно найдется, куда он денется! Вызывай людей, пусть трупы вывозят, не нам же эту мразь от гвоздей отдирать... А Полежаев справится – парнишка молодой, здоровья вагон. Еще своего сынишку нянчить будет – или кто там у него родится...

Подошел, тяжело отдуваясь, Валентин Луговец. Сел на завалинку, закашлялся. У опера активно бараклили бронхи, он кашлял почти постоянно – иногда до крови, до рвоты. Уходить на больничный отказывался, оформлять инвалидность – боялся. Надеялся на всепобеждающую советскую медицину и какое-то чудо. Его старались не перегружать, но сегодня просто больше некого было с собой взять!

Как-то бочком приблизился Пантелей Скляров, посматривал виновато. Имелась в случившемся и его вина – рядом с Бубой стоял, мог бы и обезвредить. Впрочем, что взять с молодого парня – без году неделя в органах, он и так сегодня выступил хорошо, прямо сказать, не ожидали...

– Актер погорелого театра, блин, – ухмыльнулся Сиротин.

– Да не, Пантелей нормально отыграл, – вступился за парня Андрей. – Целый спектакль разыграл, чтобы эти черти, не дай бог, назад не посмотрели. Вроде скромняга, Пантелей, откуда таланты? Мы аж засмотрелись, заслушались, аплодировать чуть не начали. В театральном училище обучался?

– Да какое, на хрен, театральное училище, – смутился парень. – От сохи я, в смысле от трактора... В школе участвовал в кружке художественной самодеятельности – вот и все. Нашло вдруг что-то, не знаю... Правда, хорошо получилось, товарищ капитан?

– Правда, – кивнул Некрасов. – Можешь осваивать смежную профессию. Переигрывал немного, но ладно, будем считать, что мы этого не заметили.

Окрестность понемногу заполнялась шумом – звучали голоса добропорядочных горожан, скрипели ставни. Осторожно, как бы решив попробовать, твякнула собака. Оперативники по одному выходили за калитку. Зачавкала грязь под колесами – подъехал потрепанный ГАЗ-67, приписанный к горотделу милиции. Машинка мощная, с приводом, как и буденновская тачанка, на все четыре колеса, но порой непредсказуемая. Да и шума от нее много. Водитель дядя Степа чего-то явно побаивался – ехал осторожно, вытягивал шею. Немного успокоился, обнаружив у калитки все милицейское воинство. Да и стрельбы не слышно.

Дядя Степа был жилистый, морщинистый, весь седой, но человек полезный. Вез, куда прикажут, вопросов не задавал (почти), немного робкий, малость приторможенный – но это никого не волновало.

Машина остановилась напротив скамейки, на которой сидел Луговец. С подножки спрыгнула невысокая худая женщина в мужских брюках и пиджаке из тонкой ткани производства Качинской швейной фабрики. Волосы были стянуты резинкой на затылке. Поблескивали большие, выразительные глаза на обостренном, вытянутом лице. Поражать коллег своей неотразимой женской привлекательностью у Светланы Каретниковой привычки не было. И назвать ее привлекательной язык бы не повернулся. Одевалась соответственно – уныло, серо. Отличалась сдержанностью, даже прохладой. Но что-то в ее головке происходило – и порой выбиралось наружу.

– Живые, чтоб вас так... – облегченно выдохнула Светлана. – Все нормально, парни?

– Нормально, Светлана Анатольевна, – отозвался Сиротин. – Только милиционер пострадал – Бубе «на перо» попал.

– И сам Буба ушел, – добавил Луговец.

– Ну надо же, какая неожиданность! – всплеснула Светлана руками. – И почему я нисколько не удивлена, Андрей Николаевич? – Скажи, почему ты мне не разрешил участвовать в этих, как ты выразился, мужских играх? Что за произвол и авторитарные замашки? Почему я должна отсиживаться на скамейке запасных? Ладно дядя Степа – лицо гражданское, но мне-то за что? – девушка искренне негодовала.

– Светлана Анатольевна, не митингуй, – поморщился Андрей. – Эти игры, как я правильно выразился, мужские. Жарко здесь было, уж поверь.

– Он прав, Свет, – хрипло выдавил Луговец. – Тут такая баталия разыгралась... Тебя еще от пуль оберегай. Ты баба, конечно, умная, но... Знаешь, не помог бы нам тут твой умище...

– А я не прошу меня от пуль оберегать, – проворчала Светлана, садясь на доску рядом с Луговцом. – Ладно, мужики, рассказывайте, как вы тут без меня повоевали.

Рассказ не затянулся. Андрей посматривал на часы: где, мать их за ногу, следователи и уборщики? По милицейской рации давно сообщили, пора бы и подъехать. Светлана сокрушенно вздыхала, покачивала головой. Гнев прошел, но досада за своих коллег-недотеп, не способных довести до конца любое дело, осталась. Вечно за ними надо подчищать! Дядя Степа как-то робко покинул машину, косясь за палисадник, где среди грядок выделялось тело гражданина Синявина, помялся, стал протирать ветошью лобовое стекло, «украшенное» разводами. Машинка была хорошая, только без крыши и дверей. Последние заменяли вырезы в кузове. В условиях войны, когда надо срочно покинуть машину, – нормально. Но в мирное время, пусть и непростое, – со своими неожиданностями... «Интересно, к зиме дадут что-нибудь другое?» – частенько возникала мысль. Летом еще ничего, но зимы в Красноярском крае лютые, столбик термометра может опуститься до минус тридцати, может и ниже. Так и будем кататься с ветерком?

– Эх, дядя Степа, ни хрена ты не милиционер, – подметил наблюдательный Пантелей.

– А мне оно надо? – хмуро покосился на него водитель. – Я лицо сугубо гражданское, мне ваши милицейские дела – как корове седло. Вожу вас – и отвяжитесь. Плохо, что ли, вожу?

– Мастерски возишь, дядя Степа. – Андрей украдкой показал Пантелею кулак. – Без тебя бы мы пешком по городу бегали и от тоски выли.

Но Пантелея несло:

– Ты хоть воевал, дядя Степа?

– Нет, – буркнул водитель. – В тылу на Урале отсиживался. Ящики со снарядами возил с заводов на эшелоны. Все три года с хвостиком возил – как в тюрьге, от звонка до звонка.

– А признайся, дядя Степа, однажды не довез. – Пантелей украдкой подмигнул ухмыляющейся Светлане. – С тех пор такой контуженный.

– Это я-то контуженный? – рассердился водитель. – Сам ты контуженный, пацан желторотый...

– А ну, отставить, Пантелей! – осадил подчиненного Некрасов. – Смотри, разозлишь дядю Степу – и однажды он покатает тебя на капоте.

Сотрудники сдавленно хихикали. Даже дядя Степа хитро ухмылялся.

На дороге появился грузовик с фанерной будкой в кузове. Он медленно объезжал ухабы, плыл по непересыхающей грязи. Пожаловали наконец-то должностные лица. По этому бездорожью проще до соседнего райцентра добраться, чем до дальних окраин собственного города.

Через несколько минут округа вновь наполнилась лицами при исполнении. С мрачной миной блуждал по огороду следователь Васнецов в милицейской форме, выслушивал показания оперов. Потянулись криминалисты во главе с местным светилом – экспертом Левенбуком Борисом Михайловичем. Непонятно, что они собрались тут делать, но таков порядок. Борис Михайлович разглядывал тела и укоризненно покачивал головой: не умеем пока без моря крови.

– Ну все, пост сдали, товарищи офицеры, – облегченно вздохнул Некрасов. – По коням, как говорится, – и на базу. Давненько мы что-то люлей не получали от начальства. – И первым втиснулся через прорезь в борту на место рядом с водителем.

– Все не войдем, – рассудительно изрек Луговец, забираясь на заднее сиденье.

– Пантелей на капоте поедет, – хохотнул Сиротин.

– Пантелей пешком пойдет, – объявил Некрасов, обозрев свое немногочисленное войско. – Как самый молодой и самый быстроногий. Не морщись, боец, такова твоя доля. Ничего, переулками на Таловую выйдешь – там автобус ходит, раньше нас доедешь. Гармошку не забудь – реквизит, как-никак, может, когда-нибудь еще пригодится. Заводи, дядя Степа! Или Валентину прикажем кашлем заводить?

Глава вторая

В горотделе уже все знали о случившемся. Новости в городе распространялись со скоростью света. Люди уважительно поглядывали, проходя мимо. Андрей поднялся на третий этаж – перед этим, как смог, привел себя в порядок, очистил с ботинок ветки и листву, растер грязь на коленях. В ушах еще стоял звон от так некстати взорвавшейся лимонки. Глянула с интересом Ирина Матвеевна, сравнительно молодая секретарша подполковника Броницкого – главы горотдела внутренних дел. Прервал работу старенький «ундервуд», на котором Ирина Матвеевна строчила приказы начальства. Пальцы у секретарши были маленькие, короткие, но бегали по клавишам, как пальцы пианиста-виртуоза.

– Проходите, Андрей Николаевич, Юрий Алексеевич вас ждет, – вкрадчиво поведала «пианистка». – К нему Головаш забежал, Василий Иванович, но, думаю, скоро уйдет.

Майор Головаш замещал главного милиционера города по воспитательной линии. Вроде комиссара или замполита в армии – следил за чистотой рядов и преданностью коллектива идеалам марксизма-ленинизма. Головаша Ирина Матвеевна недолюбливала – впрочем, не она одна.

Подполковник Броницкий сидел за своим столом мрачнее тучи, слушал, что ему нашептывает заместитель. Оба видные, на обоих одинаково ладно сидели милицейские мундиры, только Головаш пониже и потолще.

Роскошью кабинет начальника ГОВД не отличался. Все предельно сухо, аскетично. Стулья, столы с облезлой полировкой, шкаф с несекретными документами, сейф – с секретными. На стенах – портреты Феликса Дзержинского и Никиты Хрущева.

– Разрешите, товарищ подполковник?

– Разрешаю, – крикнул Броницкий. – Проходи, Некрасов, будь как дома.

Начало не предвещало ничего хорошего, голос старшего по званию звучал с язвительным сарказмом. Прервал свое вещание майор Головаш, встал со стула, оправив китель, и сказал:

– Ну хорошо, Юрий Алексеевич, не буду вам больше мешать. Занимайтесь делами, надеюсь, позднее мы с вами договорим.

Он словно снисходительно высказывал высочайшее соизволение. Это странно. Давно прошли времена, когда комиссары затмевали командиров своей значимостью.

Головаш прошел мимо, глянув как-то предвзято, с хитрецей. Такие взгляды никогда не нравились. Они не говорили о человеке ничего хорошего.

Дверь за ним мягко закрылась, и в кабинете установилось тяжелое молчание. Подполковник Броницкий исподлобья созерцал подчиненного. Он страдал от жары, несмотря на открытое окно. Вентилятор, похоже, сломался – присутствовал, но не работал. Городской отдел находился в центре Качинска, на улице Малышева – местного пламенного революционера, павшего смертью храбрых в боях с колчаковцами. Дребезжал по рельсам трамвай, гудели грузовики. Из окна кабинета подполковника открывался неплохой вид на приличную часть города: на добротные каменные здания, построенные еще купцами-кровопийцами, на сквер Героев Революции, на кумачовые лозунги, украшающие город и призывающие следовать заветам коммунистической партии и досрочно выполнить планы 5-й пятилетки. Страна уверенными темпами строила социализм – и каждый это делал на своем месте.

– Проходи, присаживайся, чего ты там застрял? – проворчал Броницкий. – Любуешься, добрее ли стану? Не дождешься...

Андрей присел. Подполковник не спускал с него выразительного взгляда. В принципе, Юрий Алексеевич был неплохим человеком, но умел, когда надо, вызывать у подчиненных шок и трепет.

– Ну и что вы там натворили, капитан? – проворчал Броницкий. – На улице, мать их, Красных Партизан? Вы чуточку не охренели, Некрасов? Страна строит мирную жизнь, все

хорошо – и вдруг ты устраиваешь маленькую войнушку в пределах городской черты. Зачем, Некрасов? Все идет по плану? Мало того что взорвали мирное спокойствие и напугали горожан, так еще и не взяли главаря, позволили ему зарезать нашего с тобой коллегу...

– Будем надеяться, Полежаев выживет, товарищ подполковник. Парень молодой, здоровье отменное. Вины с себя не снимаю, невозможно все предусмотреть и составить стопроцентно успешный план – тем более в сжатые сроки. Вы же знаете, сколько у нас людей и насколько качественен состав отдела. Поступил сигнал, что по такому-то адресу отсиживается банда матерого урки Бубенцова, и надо было действовать без промедлений. Вы же знаете этих бандитов: сегодня они здесь, завтра там – и ищи ветра в поле. Повторяю, вины с себя не снимаю. Но банду мы все-таки уничтожили, Буба остается ни с чем. Без своих людей он – пустое место. Может, если повезет, уйти на дно, где-то отсидеться, даже попытаться покинуть город, но... Это ненадолго, товарищ подполковник, мы его поймаем, это вопрос времени.

– Времени, говоришь... – Броницкий уже не смотрел как разъяренный тигр. – А ничего, что мне уже из горкома звонили, спрашивали, что за бардак творится во вверенном мне городе?

«Скорее всего, ничего», – подумал Некрасов, но не стал озвучивать эту крамольную мысль и сказал:

– Мы сделали все, что смогли, Юрий Алексеевич. Всегда есть место случайностям. У семи нянек, как говорится... вот Буба и ушел. Будем исправлять свои ошибки и недочеты. Могу сказать со своей стороны, что мои люди действовали решительно, грамотно... а в чем-то даже творчески.

– Да уж, натворили, – поморщился подполковник. – Слышал уже про вашего парня с гармошкой... Ладно... – Он задумчиво постучал карандашом по столу. – Будешь исправлять свои ошибки и недочеты. Чтобы через два дня принес мне голову Бубы – в противном случае твоя собственная голова отправится на плаху. Ладно, не впадай в дрожь. – Броницкий понял, что перехватил. – Я в фигуральном смысле. Ты толковый малый, Некрасов, не думай, что я тебя не ценю. Но знаешь, что я больше всего ненавижу? Это хвалить своих подчиненных. Так что считай, что ничего не говорил. Люди Бубы – это те черти, что на прошлой неделе взяли лабаз в Сырском переулке?

– Так точно, товарищ подполковник. Угнали грузовик с гречкой – и растворились в параллельном измерении. Убили сторожа, водителя. Машину впоследствии нашли без груза. Бубу, участвовавшего в налете, опознал случайный свидетель – охранник с заводской проходной, что напротив лабаза. Он вышел по амнистии – видимо, пересекались на зоне, но, в отличие от бандита, решил начать честную жизнь. Охранника проверили – нормальный мужик.

– Как узнали, где находится банда?

Андрей помялся и произнес:

– Неприличные вопросы задаете, товарищ подполковник... Ну, так это самое, Юрий Алексеевич... Работаем с равнодушными гражданами, желающими бескорыстно помочь расследованию...

– Ой, ладно, мне только не заливай, – раздраженно отмахнулся Броницкий. – Работают они с равнодушными гражданами... Признайся, мелкого урку подцепили на незначительном грешке и теперь он вам таскает полезную информацию? Ладно, Некрасов, в твои годы я тоже сопротивлялся, когда начальство пыталось вытянуть из меня имя информатора. Святое это, да, Некрасов? Напомни, кстати, сколько тебе лет?

– Тридцать семь, товарищ подполковник.

– Хм, вроде и не мальчик... То есть имя источника называть отказываешься?

– Какого источника, товарищ подполковник?

– Ой, иди отсюда! – отмахнулся Броницкий. – Ступай и без победы не возвращайся.

Помни, что время, как всегда, играет не на нас...

В отделе уголовного розыска этажом ниже было тягостно и грустно. Духота усилилась – открывалась только форточка. Открыть задубевшую раму было невозможно – разве только выбить. Окна, в отличие от кабинета Броницкого, выходили на задний двор – на тополя и полное запустение. Считалось, что оперов ничто не должно отвлекать от работы – в том числе вид из окна. Что-то писал каллиграфическим почерком капитан Ветлужный Савелий Петрович, морщинистый очкарик, перешагнувший пенсионный возраст. На пенсию он не уходил, держался всеми зубами за свое место. Начальство, ввиду отчаянного кадрового голода, не спешило его увольнять. До войны это был толковый оперативник – полный сил, умеющий стрелять, работать кулаками. Теперь от Савелия Петровича остался только опыт, который он в меру возможностей передавал последователям. На задания почти не ездил, в основном сидел в отделе, занимался бумажной работой. Хоть что-то – на него сгружали всю текущую отчетность.

– С возвращением, Андрей Николаевич, – поприветствовал он начальника и снова погрузился в писанину.

Андрей сел за свой стол, мрачно оглядел подчиненных. Устраивать разнос особо не хотелось – люди работали как могли, тащили на себе непосильный воз. Подняла голову из-за стола Светлана Каретникова. Она смотрела не мигая, с какой-то вселенской библейской скорбью.

– Все в порядке, Андрей Николаевич?

– Относительно, – отозвался он. – По голове не погладили, но и не разогнали весь отдел к чертям собачьим. Разрешили работать дальше – наверстывать упущенное. Мягко посоветовали в следующий раз обходиться без стрельбы.

– Полежаев умер...

Капитан вздрогнул, сглотнул. Вселенская скорбь в глазах Светланы становилась какой-то всеобъемлющей.

– Врачи пытались что-то сделать, но у него внутри все в клочья... Буба бил не просто так, а с вывертом, с прокручиванием. При последнем ударе просто тащил лезвие по печени и кишечнику... Удивительно, что парень еще дышал на операционном столе... Остались мать, молодая жена, которой скоро рожать. Коллеги им еще не сообщили, видимо, ждут, что это сделает кто-то другой...

Светлана подавленно замолчала. Риторический вопрос застыл в глазах: почему по вине каких-то негодяев люди вынуждены умирать в мирное время? Младший сержант Полежаев, добрый, наивный, идеалист, еще не вникший в милицмейские фишки.

Несколько минут печально молчали, только Луговец постоянно откашливался, пил какие-то таблетки. Помалкивал Пантелей Склярков – он уже переделся, вышел из образа деревенского пьяницы. Светлана украдкой бросала на Андрея «ничего не значащие» взгляды. То, что она тайно влюблена в своего начальника, знали даже зэки, сидящие в КПЗ. Но довольно странная была эта влюбленность. Светлана томно не вздыхала, не смотрела с поволокой во взоре, не пыталась за ним ухаживать, подкарауливать после работы. Но всегда в трудную минуту оказывалась рядом, пыталась как-то помочь, оказаться нужной. Иногда это раздражало, иногда принималось как должное. Мучилась не по-детски, когда он запретил ей участвовать в операции, – и это все видели. Переживала за него, места не находила.

Спутника жизни у девушки не было. У капитана тоже не было. Но все равно – зачем ему такое счастье? Но свою сотрудницу Некрасов ценил. Невзирая на все сопутствующие недостатки, она была умна. Настолько умна, что порой диву давался. Несколько лет назад Светлана окончила школу милиции в Красноярске, вернулась в родной Качинск. Мечтала стать следователем, но как-то застряла в должности оперативника. Не сказать, что она украшала отдел, но свежесть в атмосферу вносила.

– Буба не объявлялся? – после долгой паузы спросил Андрей.

– Пропал, – выдавил Луговец. – Ищут пожарные, ищет милиция... Он, сволочь, точно на дно ушел. Знает, что мы все силы на его поиски бросим. Заляжет в какой-нибудь укромной норе, будет отлеживаться.

– Это не повод его не искать, – отрезал Некрасов. – Надо работать с осведомителями, пусть пашут, как рабы на галерах, – за что мы их от уголовного преследования отмазываем? Вадим, намек понял? Чей человечек нашептал нам про улицу Красных Партизан?

– Да понял я, – поморщился Сиротин. – Только объясни мне, бога ради, командир – какого хрена Буба станет шептать моему человечку, где он заляжет на дно? Это лежбище тайное, только Буба про него знает.

– А умничать, Вадим, будем в специально отведенное для этого время, – добавил Некрасов. – Давайте работать, товарищи. Мы же не позволим, чтобы мальчишка Полежаев погиб зря? Что по хате, в которой накрыли банду?

– В доме прописаны некие граждане, – встрепенулся Пантелей: Максимченко Иван Савельевич и Мария Ивановна. Мать и сын. Вернее, сын был прописан, пока не сел за убийство – а это событие произошло четыре года назад. Убийство – без отягчающих, оттого и не шлепнули. Под амнистию не попал, сидит дальше. Видимо, пересекся в лагере с Бубой или с кем-то из его корешей. Мария Ивановна уже два месяца находится на излечении в психбольнице, так что... Очень удобно, товарищ капитан. Местечко глуховатое, соседей нет – заложить некому. Если глаза на участке не мозолить, то можно долго отсиживаться.

– Понятно, – раздраженно отмахнулся Некрасов. – Отсюда ничего не вытянешь. Но молодец, Пантелей, быстро все разузнал. Слушай, парень, что за имя у тебя такое? – решил разрядить обстановку Андрей. – Старорежимное какое-то, сермяжное. Ты вроде не из староверов. Не обижаешься на родителей? Других имен в тот день не было?

– У меня не спросили, – фыркнул Пантелей. – Я бы им все сказал, что думаю по этому поводу. Вот зачем вы, товарищ капитан, об этом спросили? Любите соль на рану сыпать? Ну, прадед у меня Пантелей, и что? Мне и без того по жизни, знаете ли, не очень...

– Да нет, нормальные люди твои папка с мамкой, – заметил Ветлужный, не отрываясь от писанины. – Могли Пантелеймоном назвать – вот это точно хоть вешайся...

Сотрудники вяло улыбались. Светлана прикрыла рот рукой, чтобы, боже упаси, не заметили улыбку.

Через полчаса отдел опустел. Удалился даже Савелий Петрович, прихватив свои рукописи. Андрей пристально смотрел на карту Качинска, висящую перед ним на стене. На карте выделялись какие-то странные пометки карандашом – видимо, его предшественники искали клад. Каракули, в принципе, не мешали.

Три месяца он в этом городе, прибыл на новую должность из Воронежа – и всеми силами старался забыть тот, предыдущий, этап жизни. В нем было много тяжелого. Начальство не возражало – в Сибири традиционно не хватало опытных кадров. Три месяца в здешней катавасии – а такое ощущение, что живет здесь уже целую вечность...

Взгляд скользил по карте... Качинск располагался в 70 километрах от Красноярска, на Транссибе, здесь сходилась несколько железнодорожных веток. 70 тысяч душ, крупный промышленный центр. Добывающие и обрабатывающие предприятия – олово, магний, литий, свинцово-цинковые руды. В Качинском разрезе добывают бурый уголь марки 2Б – с самым низким содержанием серы и низкой зольностью. Текстильная фабрика, деревокомбинат, подшипниковый завод. Город разбросан по обширной местности, несмотря на сравнительно небольшую численность населения. Пригородные поселки, деревни – в каждом поселении свои предприятия. Аэропорт на отшибе, железнодорожный вокзал в северной части города. Нарядный центр – старые купеческие, новые здания, пусть и не такие пышные, но тоже основательные. Улица Ленина с горкомом и горсоветом, улица Малышева – с горисполкомом и городским отделом милиции. Стадион, несколько кинотеатров, домов культуры, сквер Героев Револю-

ции напротив площади Калинина. Запутанные улицы – Советская, Первомайская, Геологов, Ленинцев, почему-то Нефтяников. Приличные районы переходили в барачные кварталы, на окраинах – частный сектор. Севернее железной дороги – Нахаловка, рядом – Махновка (с той самой улицей Красных Партизан). Формально – Заречный и Ворошиловский районы, но кто об этом помнит? Частный сектор тянулся на многие километры, чередовался перелесками, пустырями, брошенными складами и мастерскими. В этом городе сам черт ногу сломит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.